ЦЕРКОВНО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С ИЕРУСАЛИМСКИМ И АНТИОХИЙСКИМ ПАТРИАРХАТАМИ (вторая треть XIX в.)[1*]

И.Ю. Смирнова

В условиях современной глобализации, развития и углубления межцивилизационных контактов и противостояний изучение проблемы русского присутствия в иных этнокультурных и конфессиональных средах становится все более важным. В силу исторических и религиозных причин это особенно относится к истории межцерковных связей России с Восточными Патриархатами, которые и сегодня являются основой формирования церковной политики России в Святой Земле и на Ближнем Востоке.

Деятельность русских дипломатов в Палестине и Сирии осуществлялась на государственной территории Османской империи, так что внешнеполитические задачи решались в российском посольстве в Константинополе. В связи с этим к компетенции консульских представительств в Бейруте, Иерусалиме, Яффе относились преимущественно вопросы защиты русских паломников и осуществление церковно-дипломатических связей с Иерусалимским и Антиохийским Патриархатами.

В силу консервативности церковных канонов, этнорелигиозных и региональных отношений, механизмов влияния на личность и общество, изучение и учет опыта работы российских дипломатов на собственно церковном поле сохраняет свою актуальность и сегодня.

Исследование русско-иерусалимских и русско-антиохийских отношений как проявления русского духовного, политического и гуманитарного присутствия в регионе позволяет делать выводы не только о результативности и эффективности российской дипломатии, но и о сложных взаимоотношениях церковного и светского ведомств, тем более, что учреждения и структуры, созданные в исследуемый период (вторая треть XIX в.), представляют и сегодня существенный фактор российского влияния.

В становлении историографии по теме исследования можно выделить три этапа. Первый этап включает труды дореволюционных авторов, среди которых в первую очередь можно выделить сочинения писателей, историков и дипломатов, лично посетивших Православный Восток и познакомивших с ним российское общество[2].

Ценный вклад в востоковедение первой половины XIX в. внесли дипломаты, приписанные к россий-

---

[1*] Основные положения диссертации на соискание ученой степени канд. исторических наук по специальности 09.00.13 (религиоведение, философская антропология, философия культуры), выполненной на кафедре государственно-конфессиональных отношений Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Научный консультант — Н.Н. Лисовой, д-р ист. наук, проф. Официальные оппоненты: А.В. Назаренко, д-р ист. наук, проф.; В.И. Петрушко, канд. ист. наук, доц. Ведущая организация: Санкт-Петербургский институт истории РАН. Защита состоялась 25 июня 2009 г.

По теме исследования см.: *Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю.* Иерофей, Патриарх Антиохийский, и его деятельность по материалам российских архивов. Ч. 2 // Православный Палестинский сборник. Вып. 106. М., 2009; *Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю.* Российская дипломатия и избрание Восточных Патриархов // Российская история. 2009. № 1; *Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю.* Иерофей, Патриарх Антиохийский, и его деятельность по материалам российских архивов. Ч. 1 // Православный Палестинский сборник. Вып. 105. М., 2007; Святитель Филарет, митрополит Московский. Письма преподобному Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры / подг. текста, предисловие, коммент. И.Ю. Смирновой. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007.Т. 1–3; *Смирнова И.Ю.* Отношения Российской и Иерусалимской Церквей в 30-е годы XIX столетия по документам архива А.Н. Муравьева // Религии мира. Ежегодник. 2005. М., 2007; *Она же.* Церковно-дипломатические отношения России и Иерусалимского Патриархата в первое десятилетие после Крымской войны // Вестник ЧелГУ. Челябинск, 2009. Вып. 29. № 4; *Она же.* Митрополит Филарет (Дроздов) и Православный Восток // Родное и вселенское. М., 2006; *Она же.* Письма К.М. Базили как источник по истории связей России с Православным Востоком в 1830–1840-е гг. // Православный Палестинский сборник. Вып. 103. 2005.

[2] См.: *Муравьев А.Н.* Путешествие к святым местам в 1830 году. Ч. 1–2. СПб., 1832; *Он же.* Письма с Востока. Ч. 1–2. СПб., 1850 (репринт. изд.: М., 2005); *Норов А.С.* Путешествие по Святой Земле в 1835 году. СПб., 1838; *Он же.* Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток. СПб., 1879.

ской дипломатической миссии в Константинополе. Среди них следует отметить сочинения генерального консула в Бейруте в 1839–1853 гг. К.М. Базили как наиболее важные для темы настоящего исследования[3].

В историографии XIX в. существует ряд церковно-исторических исследований, авторы которых являются признанными специалистами в области изучения Православного Востока. В этом ряду в первую очередь следует назвать фундаментальный труд Н.Ф. Каптерева «Сношения Иерусалимских Патриархов с русским правительством»[4], в котором автор на материале архива Министерства иностранных дел воссоздает картину официальных межцерковных связей между Россией и Восточными Патриархатами. В работах известного историка-византолога И.И. Соколова содержатся сведения о состоянии Православных Восточных Церквей и о предстоятелях Греческой Церкви XIX в.[5].

Монография А.П. Лебедева «История Греко-Восточной Церкви под властью турок»[6] представляет серьезный опыт критического изучения истории Греческой Церкви после завоевания Византии турками и до XIX в. Необходимо отметить научные труды, посвященные изучению Православного Востока, осуществлявшиеся при поддержке Императорского Православного Палестинского Общества[7].

Однако уже для дореволюционной историографии характерно разделение: для светских историков интерес представлял в первую очередь военно-исторический аспект, практически исключавший церковную тематику[8], историкам церковным во многом препятствовал именно «конфессиональный» аспект, не позволявший объективно исследовать противоречия как канонического свойства (между Поместными Православными Церквами), так и межведомственного характера (между государственными и синодальными структурами).

На протяжении второго этапа, продолжавшегося от 1917 г. до конца 1980-х гг., межцерковные связи России с Патриархатами Востока не привлекали внимания исследователей внешней политики Российской империи. Так, проблемы внешней политики России в канун Крымской войны разрабатывались в отечественной историографии данного периода, исследовались преимущественно с точки зрения развития военно-дипломатического конфликта[9].

Из сочинений церковно-исторических следует отметить монографию митрополита Никодима (Ротова)[10], написанную им в 1959 г. непосредственно по материалам Архива Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, впервые введенных в научный оборот.

---

[3] См.: *Базили К.М.* Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношении. Одесса, 1862; СПб., 1875; *Он же.* Письмо в Париж о нынешнем состоянии Турции и о политическом кризисе на Востоке. СПб., 1854.

[4] См.: *Каптерев Н.Ф.* Сношения Иерусалимских Патриархов с русским правительством. Ч. 1: С половины XVI до конца XVIII столетия. СПб., 1895; Ч. 2: В текущем <XIX> столетии. 1898 // Православный Палестинский Сборник. Т. XV. Вып. 1 (43). Ч. 1–2.

[5] См.: *Соколов И.И.* История греческих Церквей в XIX веке // История Православной Церкви в XIX веке. Кн. I: Православный Восток. Изд. А.П. Лопухина. СПб., 1901. Репринт: М., 1998; *Он же.* Антиохийский Патриарх Мефодий (1823–1850). Краткий очерк его деятельности // Сообщения ИППО. 1905. Т. XVI. Вып. 1. С. 28–42. — Подп.: И. Византийский; *Он же.* Иерусалимский Патриарх Кирилл II и его отношение к болгарской церковной схизме // Сообщения ИППО. 1914. Т. XXV. Вып. 1. С. 30–66; Вып. 2. С. 169–206; Вып. 3–4. С.325–371; 1915. Т. XXVI. Вып. 1–2. С. 64–124; Вып. 3–4. С. 261–325; 1916. Т. XXVII. С. 87–155.

[6] См.: *Лебедев А.П.* История Греко-Восточной Церкви под властью турок. Кн. 1–2. СПб., 1896, 2004.

[7] См.: *Безобразов П.В.* О сношениях России с Палестиной в XIX в. Исторический очерк // Сообщения ИППО. 1911. Т. 22. Вып. 1. С. 20–52; Вып. 2. С. 173–192; Вып. 4. С. 498–520; *Он же.* Судьба Палестины // Сообщения ИППО. 1915. Т. 26. Вып. 1–2. С. 28–64; *Соколов И.И.* Богословская школа Креста в Иерусалиме. Исторический очерк // Сообщения ИППО. 1906. Т. 17. Вып. 3. С. 409–459.

[8] Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX в. М., 1991.

[9] См.: *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. СПб., 1908; Т. 1. СПб., 1913; *Тарле Е.В.* Крымская война. Т. 1–2. М.; Л., 1950; *Георгиев В.А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 — нач. 40-х годов XIX века. М., 1975; *Георгиев В.А., Киняпина Н.С., Панченкова М.Т., Шеремет В.И.* Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII — начало XX в. М., 1978.

[10] См.: *Никодим* (*Ротов*), *митр.* История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Серпухов, 1997.

Ситуация заметно изменилась с конца 80-х гг. XX в., что позволяет выделить третий период в развитии отечественной историографии по данной проблематике, когда начали появляться труды, посвященные церковному и церковно-политическому российскому присутствию на Ближнем Востоке[11]. В работе К.А. Панченко исследуется положение Иерусалимского и Антиохийского Патриархатов под турецким владычеством и развитие русско-ближневосточных связей до конца XVIII в.[12] Известный востоковед В.И. Шеремет после исследования, посвященного военно-дипломатической истории Османской империи, обратился к проблеме сосуществования Православных Поместных Церквей[13].

Серьезный вклад в историю палестиноведения внесло исследование Н.Н. Лисового[14] «Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в.», в котором подробное освящение получили процессы и события, связанные с деятельностью русских учреждений в Палестине и Сирии, основанных после Крымской войны. Основное внимание в монографии уделено истории создания «Русской Палестины» — инфраструктуры храмов, монастырей, паломнических приютов и земельных участков в Святой Земле.

Представляют интерес статьи М.И. Якушева и Л.В. Мельниковой[15], в которых авторы на неопубликованных материалах АВП РИ анализируют причины Крымской войны с учетом не только дипломатического, но и церковного аспекта. Это придает их оценкам объективный характер и само по себе достаточно редко в современных отечественных работах.

В ряде работ зарубежных авторов показано, как в условиях межконфессиональных и межрелигиозных споров развивался военный конфликт, следствием которого явилось перераспределение авторитетов и влияний в ближневосточном регионе. В зарубежной историографии отражен непреходящий в научном мире интерес к истории геополитических процессов на Ближнем Востоке и особенно в Святой Земле[16].

Вместе с тем на сегодня при возросшем интересе к церковно-политическому представительству России на Ближнем Востоке, определенной лакуной остается период второй трети XIX в., как времени формирования церковно-дипломатических отношений между Россией и Иерусалимским и Антиохийским Патриархатами.

Целью исследования стал комплексный анализ истории церковно-дипломатической деятельности представителей России в азиатских областях Ос-

---

[11] См.: *Лисовой Н.Н.* К истории русского духовного присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке // Труды Института российской истории РАН. Вып. 2. М., 2000. С. 56–89; *Он же.* Русская Церковь и Патриархаты Востока (Три церковно-политические утопии XX в.) // Религии мира. История и современность. 2002. М., 2002. С. 143–219; *Он же.* Русское присутствие в Святой Земле: учреждения, люди, наследие // Отечественная история. 2003. № 2. С. 19-37; *Шеремет В.И.* Православные Патриархи и османские власти // Культурное наследие Египта и христианский Восток. М., 2002. С. 305–312; № 3. С. 84–103; *Васильева О. Ю.* Осень Патриархов. К вопросу о взаимоотношениях Московской и Вселенской Патриархий в XX столетиях // Православный Палестинский Сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 28–55; *Ямилинец Б.Ф.* Россия и Палестина. Очерк политических и культурно-религиозных отношений (XIX — начало XX века). М., 2003; *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург. Церковная политика России на Православном Востоке (1878–1898). М., 2006.

[12] См.: *Панченко К.А.* Османская Империя и судьбы православия на Арабском Востоке (XVI — начало XIX века). М., 1998. С. 133.

[13] См.: *Шеремет В.И.* Империя в огне. Сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке. М., 1994; *Он же.* Православные Патриархи и османские власти // Культурное наследие Египта и христианский Восток. М., 2002. С. 305–312.

[14] См.: *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006.

[15] См.: *Якушев М.И.* Иерусалимский Патриархат и святыни Палестины в фокусе внешней политики Российской Империи накануне Крымской войны // Православный Палестинский Сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 245–287; *Он же.* Конфликт из-за Святых мест Палестины как казус белли Крымской (Восточной) войны // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 2004. С. 437–487; *Мельникова Л.В.* Вопрос о святых местах в центре Восточного вопроса. Церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны // Отечественная история. 2008. № 6.

[16] *Stavrou Th.* Russion Interests in Palestine: 1882–1914. Thessaloniki, 1963; *Hopwood D.* The Russion Presense in Syria and Palestine. 1843–1914. Church and Politics in the Near East. Oxford, 1969; *Roth E.* Preussens Gloria in Heiligen Land. Die Deutschen und Jerusalem. Münich, 1973; *Eliav M.* Österreich und das Heilige Land. Ausgewählte Konsulatsdocumente aus Jerusalim, 1849–1917. Wien, 2000.

манской империи — Сирии и Палестине, — осуществлявшейся с использованием церковных каналов и гуманитарно-просветительных программ. *Задачами исследованиями* были: 1) определение места и значения Иерусалимского и Антиохийского Патриархатов в системе международных отношений России второй трети XIX в.; 2) выявление специфики средств и методов церковно-дипломатической работы российских представителей в ближневосточном регионе с учетом давних церковно-канонических связей и контактов Русской и других Поместных Церквей; 3) конкретный анализ деятельности МИД, Святейшего Синода, бейрутского генконсульства и Русской Духовной Миссии на территории Иерусалимского и Антиохийского Патриархата; 4) оценка деятельности духовных и светских учреждений и эффективности использования личностного фактора (в том числе личных качеств и общей системы ценностных ориентаций патриархов и видных иерархов Восточных Церквей) с точки зрения реальных результатов предпринимаемых церковных и дипломатических мер.

Источниковая база исследования. Одним из важнейших и совершенно неизученных источников по данной проблематике является личный фонд А.Н. Муравьева (ОР РГБ. Ф. 188. Москва), составивший документальную базу настоящего исследования. Грамоты Восточных Патриархов Всероссийскому Святейшему Синоду и российским императорам, послания русских иерархов, дипломатические донесения, личная переписка, материалы мемуарного характера из личного фонда А.Н. Муравьева позволяют проанализировать способы установления межцерковных контактов, проследить процесс формирования системы взаимоотношений между Всероссийским Святейшим Синодом и Восточными Церквами во второй трети XIX в. Частная переписка Муравьева с русскими дипломатами — А.П. Бутеневым, К.М. Базили, В.П. Титовым, Н.П. Игнатьевым и др. — помогает восстановить картину русского церковно-дипломатического присутствия в Святой Земле в исследуемый период. Обширная личная переписка А.Н. Муравьева с православными иерархами России и Православного Востока (митрополитом Московским Филаретом, Патриархами Иерусалимскими Афанасием и Кириллом II, Антиохийскими Мефодием и Иерофеем, Патриархом Вселенским Константием I) позволяет дать характеристику деятельности названных иерархов и выявить их личное участие в установлении межцерковных связей Поместных Церквей.

Нами были изучены также фонд митрополита Филарета (Дроздова) (ОР РГБ. Ф. 316), фонды канцелярии Святейшего Синода и канцелярии обер-прокурора Синода Российского Государственного исторического архива (РГИА. Ф. 796, 797), фонд «Посольство в Константинополе» Архива внешней политики Российской Империи (АВП РИ), материалы архива Императорского Православного Палестинского Общества, сохранившиеся в библиотеке ИППО, фонды Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ, СПб.); Архива Института рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (ИР НБУ, Киев), Архива Министерства иностранных дел Австрии (Вена). В общей сложности задачи исследования потребовали обращения к двенадцати архивным фондам (из которых было использовано более 70 дел) из восьми архивохранилищ.

Официальная переписка Восточных Патриархов со Святейшим Синодом (РГИА. Ф. 796, 797), а также делопроизводственная документация Синода, отражая официальную позицию Поместных Церквей, позволяют определить приоритетные направления в развитии межцерковных отношений и раскрывают внутренние механизмы взаимодействия Синода с другими министерствами и ведомствами Российской империи, участвовавшими в решении проблем Восточных Патриархатов.

Материалы официальной переписки российских дипломатов (Архив внешней политики Российской империи. Ф. 180 «Посольство в Константинополе», опись 517/1, дела 738 и 743) позволяют проанализировать механизм работы русских дипломатов в ключевые моменты смены предстоятелей двух Восточных Церквей: Иерусалимской (1845) и Антиохийской (1850).

Большое значение для исследования имела периодическая печать XIX в., Так, переписка митрополита Филарета (Дроздова) с греческими иерархами — Патриархами Иерусалимскими Афанасием V и Кириллом II, архиепископом Фаворским Иерофеем (впоследствии Патриархом Антиохийским) — была частично опубликована в таких изданиях как «Душеполезное Чтение» и «Чтение в обществе любителей духовного просвещения».

Среди первостепенных печатных источников, использованных в работе, следует назвать «Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Мос-

ковского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам»[17] и «Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке»[18]. Документальные материалы названных собраний, практически не имевшие употребления в отечественной историографии, отражают степень вовлеченности российских иерархов в церковно-государственную политику на Православном Востоке, а также позицию Русской Церкви по ключевым проблемам во взаимоотношениях с Иерусалимским и Антиохийским Престолами. Мнения и отзывы митрополита Филарета имели решающее значение при определении стратегии и тактики российского церковно-дипломатического присутствия в исследуемом регионе.

Значительный вклад в источниковую базу исследования внесли опубликованные документы личного происхождения — письма, дневники и воспоминания лиц, имевших непосредственное отношение к событиям, происходившим в исследуемый период времени на Православном Востоке. Из эпистолярного наследия, относящегося к сфере внешней церковной политики России на протяжении XIX в., особое место занимают письма митрополита Московского Филарета (Дроздова), в обширной переписке которого с А.Н. Муравьевым[19], а также с наместником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандритом Антонием (Медведевым)[20], постоянно присутствуют сюжеты, связанные с ситуацией в Греческих Патриархатах и их взаимосвязями со Святейшим Синодом Российской Церкви. Особого внимания заслуживают дневники и воспоминания архимандрита (впоследствии епископа) Порфирия (Успенского)[21], в которых нашли отражение многие аспекты взаимоотношений представителей Русской Церкви и русской дипломатии с высшей иерархией Иерусалимской и Антиохийской Церквей.

В качестве важнейшего документального источника по истории вопроса о совместных действиях Русской Православной Церкви и Министерства иностранных дел на Православном Востоке надо отметить сборник документов и материалов «Россия в Святой Земле»[22], изданный Н.Н. Лисовым. Источники, опубликованные в двухтомнике, отражают сложную и многогранную историю российского дипломатического, духовного и культурно-гуманитарного присутствия в Святой Земле.

В целом, имеющиеся источники позволили восстановить основные аспекты церковно-дипломатических отношений России и Русской Церкви с Иерусалимским и Антиохийским Патриархатами в изучаемый период.

В *первой главе* «**Отношения с Православными Патриархатами в контексте восточной политики России в XIX веке»** рассматриваются основные аспекты развития российской внешней политики и церковных отношений с Поместными Православными Церквами.

Первый параграф «*Возникновение и развитие Восточного вопроса*» повествует об эволюции русско-ближневосточных отношений, связанных изначально с паломническим движением к православным святыням Святой Земли и Константинополя и носивших до конца XVI в. чисто благотворительный характер. Показано, как изменялся характер российских политических интересов в эпоху Петра I и Екатерины II, когда в результате русско-турецких войн была осознана необходимость официальных юридических отношений с Османской империей, оформленных рядом договоров (Константинопольский 1700 г.). В Кючук-Кайнарджийском договоре 1774 г. уже оговаривались не только права русских паломников, но и покровительство Российской Империи православному населению Турции. Тогда же было положено начало русскому дипломатическому и

---

[17] Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб., 1885. Т. I–III; СПб., 1886. Т. IV; СПб., 1887. Т. V. Ч. 1; СПб., 1888. Т. V. Ч. 2; СПб., 1887. Доп. Т.

[18] Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1899.

[19] Письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского к А.Н. Муравьеву. Киев, 1869.

[20] Письма святителя Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры преподобному Антонию. Т. 1–3. М., 2007.

[21] См.: *Порфирий* (*Успенский*), *арх.* Книга бытия моего. Т. 1–8. СПб., 1894–1902.

[22] Россия в Святой Земле: документы и материалы / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.Н. Лисового. М., 2000. Т. 1–2.

консульскому представительству в Турции и на Ближнем Востоке.

Основное внимание было уделено восточной политике правительства Николая I после Адрианопольского мира (1829). На основании архивных материалов приходится признать, что до 1833 г., а именно до заключенияУнкияр-Искелесского договора, какой-либо отчетливо сформулированной концепции деятельности России на Православном Востоке выработано не было. В то время, когда Франция и Англия активно укрепляли в Турции и Египте свои позиции — политические, торговые, религиозные — Россия ограничивалась проблемой контроля над режимом Проливов — и не предполагала каких-либо церковно-дипломатических инициатив на Ближнем Востоке. Лишь после 1833 г. протекторат над православными подданными Оттоманской империи начинает осознаваться в России как один из главных инструментов внешней политики в регионе. При этом, как и раньше, речь шла о защите интересов *местного* христианского населения, а не о интересах России.

После подписания *Лондонских* конвенций 1840—1841 гг., когда в Палестину назначен были протестантский епископ и латинский патриарх, МИД в качестве ответного шага было принято решение о создании Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1847). Деятельности РДМ в Иерусалиме отводилась существенная роль в новом политическом курсе России после Парижского мира (1856), когда перед правительством Александра II встали задачи усиления российского присутствия в Азиатской Турции за счет развития православного паломничества в Святую Землю.

Во втором параграфе «*Общий характер русско-ближневосточных церковных отношений*» рассматриваются некоторые особенности системы управления Восточных Православных Поместных Церквей (имеются в виду Константинопольская, Александрийская, Антиохийская и Иерусалимская Церкви), существовавшей в административной зависимости от Оттоманской Порты. Отношения, сложившиеся между османским правительством и константинопольской иерархией в силу исторических причин, характеризовались тем, что греческий епископат использовался Портой в качестве инструмента турецкого господства над православными народами[23].

Находясь в постоянном непосредственном общении с турецким султаном и правительством, Константинопольский Патриарх имел решающее преимущество перед остальными Восточными Патриархами — Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским, что давало ему возможность почти беспрепятственно вмешиваться в дела формально «автокефальных» соседних Церквей, превратив их в своего рода систему «сообщающихся сосудов»[24]. Характерной особенностью *системы* было то, что греческая иерархия с большой настороженностью и опасением относилась к усилению русского присутствия на Православном Востоке. В целом, для греческого епископата Восточных Церквей, находившегося под контролем турецкого правительства, всегда было крайне опасным оказаться заподозренной в прорусских симпатиях. И если российские дипломаты на Православном Востоке руководствовались в своей деятельности концепцией единства независимых Поместных Церквей под эгидой православной России, то на Востоке этим представлениям противостояла греческая модель моноэтнической системы Восточных Патриархатов как «сообщающихся сосудов». Этим объясняются не всегда верные ориентиры русских дипломатов, зачастую препятствовавшие проведению церковных и дипломатических интересов Российской империи на Православном Востоке.

В третьем параграфе «*Общая характеристика Иерусалимского и Антиохийского Патриархатов*» показано состояние двух Восточных Патриархатов в период установления церковно-дипломатических контактов с Русской Православной Церковью. Основное православное население Иерусалимского Патриархата, как и Антиохийского, составляли арабы, не знавшие греческого языка, в то время как иерархические должности были заняты этническими греками, что обусловливало противоречия и несогласия между епископатом и его паствой. Иерусалимские Патриархи, избираемые из членов Святогробского братства, постоянно жили в Константинополе, ближе к Порте и Вселенскому

[23] См.: *Лебедев А.П.* История Греко-Восточной Церкви под властью турок. От падения Константинополя (в 1453 году) до настоящего времени. Т. 1. Сергиев Посад, 1896. С. 147.

[24] См.: *Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю.* Российская дипломатия и избрание Восточных Патриархов // Российская история. 2009. № 1. С. 5–25.

Патриарху (такой порядок изменился только с избранием на Иерусалимскую кафедру Патриарха Кирилла II в 1845 г.). Дела Патриархата находились фактически в управлении Иерусалимского Синода в Иерусалиме и ограничивались интересами Святогробского братства.

Антиохийский Патриархат, материальное состояние которого было гораздо тяжелее соседнего Иерусалимского, в период управления Патриархом Мефодием (1827–1850), должен был противостоять миссионерской деятельности греко-католиков, католиков и протестантов, активность которых особенно возросла в 1840-е гг. У Патриархии не было необходимых средств на образование сельского арабского духовенства и народа, на строительство и ремонт храмов и монастырей, чем пользовались миссионеры для привлечения православных арабов в свои общины. Церковная ситуация усугублялась частыми межэтническими распрями и межконфессиональными конфликтами.

Основными проблемами Иерусалимской и Антиохийской Церквей были противоречия между арабской паствой и греческой иерархией. Следствием греческой церковной политики были бедность и необразованность православных арабов, что усугубляло опасность унии при отсутствии Патриархов в Иерусалиме и Дамаске. Положение, сложившееся в Иерусалимском и Антиохийском Патриархатах, угрожало сохранению Православия и вызывало обеспокоенность в российских церковных и дипломатических кругах.

Вторая глава **«Русско-иерусалимские отношения в 30-е — 60-е годы XIX в.»** представляет основные этапы формирования и развития системы отношений между Русской и Иерусалимской Церквами при непосредственном участии российского МИДа и Святейшего Синода, итогом которых стало создание российских учреждений в Иерусалиме — Русской Духовной Миссии (1847), российского консульства (1857), комплекса подворий и храмов для русских паломников, а также типографии, школ, церквей и больниц для Иерусалимского Патриархата.

В первом параграфе «*Развитие отношений России с Иерусалимским Престолом при Патриархе Афанасии* (*1827–1844*)» исследовался первый период установления связей между двумя Церквами, в котором определяющая роль принадлежит церковному писателю А.Н. Муравьеву, установившему во время поездки на Восток в 1829/30 г. личные контакты с греческими Патриархами. Служебный статус А.Н. Муравьева, одновременно сотрудника и МИД и Святейшего Синода, определил его роль как связующего звена между российскими ведомствами, с одной стороны, и восточным высшим духовенством — с другой. Являясь епитропом (поверенным в делах) Иерусалимской, а затем и Антиохийской, Церкви, Муравьев при поддержке митрополита Московского митрополита Филарета (Дроздова) выступал в качестве главного эксперта по делам Православного Востока в 30-е — 40-е годы XIX в.

Приезд в Россию в 1833 г. официального представителя Иерусалима, архиепископа Фаворского Иерофея стал ключевым моментом. Он прожил в России шесть лет и собрал для патриаршей казны около 700 000 руб. Проведенный анализ позволяет выделить два основных направления русско-иерусалимских отношений: 1) материальная поддержка Иерусалимского Патриархата и 2) дипломатическое воздействие — оказание экстренной и оперативной помощи Иерусалимскому Патриархату (на примере греко-армянского кризиса 1835–1837 гг.). На этом этапе отрабатывались принципы межведомственного сотрудничества и разработка системной политики России и Русской Церкви на Востоке. В МИД и Синоде стали лучше понимать реальные региона и невозможность решения этих проблем путем односторонних финансовых вливаний и дипломатических вмешательств.

Во втором параграфе «*Русская церковная политика на Православном Востоке в 40-е — 50-е годы XIX в.*» раскрывается роль российского консульства в Бейруте и лично генконсула К.М. Базили. Ему уже при назначении инструкцией из Петербурга предписывались церковные задачи: контроль и умиротворение межконфессиональных конфликтов, целевое использование поступавших из России средств и пожертвований, стимулирование деятельности Восточных Патриархов и иерархов в области просвещения местного православного населения.

В условиях наступления католического и протестантского прозелитизма, при пассивности иерусалимской иерархии, одной из постоянных забот русской дипломатии стала разработка гуманитарно-образовательной программы. При участии Базили, а с учреждением Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и ее начальника архимандрита Порфирия (Успенского), были заложены основы

школьного дела. Греческая иерархия при участии и под контролем российских представителей была вынуждена принять ряд мер в области образования православных арабов, хотя в силу субъективных и объективных причин вопрос духовного просвещения в Палестине и Сирии до Крымской войны не успел получить окончательного разрешения.

Важным аспектом деятельности российских дипломатов на Ближнем Востоке было негласное участие в избрании и проведении кандидатов на вдовствующие патриаршие кафедры. В сложном и противоречивом процессе избрания на Иерусалимский Престол Патриарха Кирилла II (1845), при отказе Порты утвердить кандидатуру преемника Патриарха Афанасия архиепископа Иерофея как якобы сочувствовавшего России, значительную роль наряду с конкурирующими группировками греческого духовенства играло участие российских дипломатов, которые при внешне пассивной наблюдательной позиции руководили предвыборным процессом в целях укрепления российского влияния в регионе.

Третий параграф «*Русско-иерусалимские отношения при Патриархе Кирилле II*» посвящен анализу деятельности Патриарха Кирилла в исследуемый период. С избранием на престол Патриарху предстояло определиться с местом своего пребывания — в Константинополе, как это традиционно бывало при его предшественниках, или в Иерусалиме. Выбор в пользу последнего был сделан под влиянием российской дипломатии. Разнонаправленные влияния группировок и кланов, преследующих свои интересы в Святой Земле, потребовали от Патриарха выработки собственной позиции.

Отношение Патриарха Кирилла к русским инициативам в отношении образования арабского духовенства претерпело определенную эволюцию, в результате чего в Палестине было предпринято устройство духовных семинарий и школ, строительство храмов, монастырей, социальных учреждений, оказывалась финансовая помощь Антиохийскому Патриархату.

В патриаршество Кирилла II была основана Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в 1847 г., установлены прямые отношения между греческим и русским духовенством.

Конфликт из-за святых мест в Палестине между греками и католиками, особенно обострившийся в начале 1850-х гг., также потребовал деятельного участия Патриарха Кирилла, получившего разрешение переехать в Константинополь, где он пытался отстаивать самостоятельную линию. Однако нельзя сказать, что его политика была особенно дальновидной. Так, позволив втянуть себя в дискуссию о различиях в церковных обрядах Греческой и Русской Церквей, спровоцированную накануне Крымской войны английскими дипломатами, он вместе с Константинопольским Патриархом едва не поставил межцерковные отношения на грань разрыва.

В целом, хотя Кириллу, как и другим восточным иерархам, приходилось лавировать между властью султана, церковными притязаниями Константинополя и интригами европейской дипломатии, плодотворная работа с представителями России в Константинополе и Иерусалиме не прошла бесследно. Несмотря на все политические коллизии в его патриаршество, русско-иерусалимские отношения приобрели характер, если и не единодушия, то взаимного понимания.

Третья глава **«Русско-антиохийские отношения в 30-е — 60-е годы XIX в.»** репрезентирует процесс становления и развития отношений с Антиохийским Патриархатом на протяжении второй трети XIX в.

В первом параграфе «*Россия и Антиохийская Церковь при Патриархе Мефодии (1827–1850)*» показано, что с конца 1830-х гг. в сфере внимания российских МИД и Святейшего Синода оказывается также Антиохийский Патриархат с его давними проблемами — отсутствием финансирования, крайне низким уровнем образования как самого духовенства, так и арабской паствы, неспособных противостоять пропаганде западных конфессий. Поддержка Патриарха Мефодия в его борьбе против унии положила начало русско-антиохийским отношениям в 1839 г. Это совпало с началом консульской работы в Сирии и Палестине К.М. Базили, который во многом содействовал вниманию петербургских инстанций к Антиохийской Церкви. В 1843 г. в Россию для сбора средств прибыл епископ Неофит Илиопольский, араб по происхождению; другим важным фактором стало открытие в 1848 г. Антиохийского подворья в Москве, призванного помочь в решении материальных проблем патриархата. При активном содействии Базили в Дамаске начала работать первая арабская типография и духовная семинария, в ряде населенных пунктов были устроены школы для православных арабов, финансирование которых осуществлялось через Всероссийский Святейший

Синод. К сожалению, результаты русской работы не всегда соответствовали масштабу приложенных усилий.

Во втором параграфе «*Русский дипломатический фактор в истории избрания Патриарха Иерофея*» рассмотрены механизмы явного и неявного влияния российской дипломатии на избрание нового Патриарха на Антиохийскую кафедру. Как и при выборах Кирилла на Иерусалимский престол, в 1850 г., после смерти Патриарха Мефодия, русские дипломаты должны были учитывать специфику русско-турецких отношений и, связанные дипломатическими инструкциями, имели право не более чем на совет или «дружеское внушение». Но и с этим ограничением Базили использовал свой авторитет среди антиохийского высшего духовенства, а российский посланник в Константинополе В.П. Титов — каналы влияния в Константинополе для того, чтобы оказывать воздействие на ход выборов, в результате чего на Антиохийскую кафедру был проведен Патриарх Иерофея. Правда, надежды русских дипломатов не оправдались.

Как показано в третьем параграфе «*Русско-антиохийские отношения при Патриархе Иерофее в 50-е — 60-е годы XIX в.*», став Патриархом, Иерофей фактически заморозил все инициативы русского правительства, предлагавшиеся в интересах Антиохийской Церкви и православного арабского населения.

В обращениях к А.Н. Муравьеву антиохийские клирики, выражая недоверие Иерофею, просили вывести денежные потоки из России из-под контроля Патриарха. Когда при содействии российских дипломатов в 1863 г. в Россию прибыл митрополит Амидский Макарий для сбора средств на нужды беднейшей антиохийской епархии, недавно с большими усилиями возвращенной из унии, Святейший Синод вынужден был поставить условие переводить собранные им деньги исключительно на развитие школьного образования в Амидской епархии.

Основной проблемой в годы патриаршества Иерофея оставалась отчужденность греческой духовной власти в лице самого Патриарха и приближенных к нему иерархов от православного арабского населения. Документы свидетельствуют, что ничего не было сделано для улучшения ее положения: не принимались никакие меры для народного воспитания и образования, для благоустроения сельских церквей. В государственной стратегии, которая велась долгие годы с целью усилить влияние России в Антиохийском Патриархате, российская сторона потерпела поражение. Только при преемниках Иерофея после возникновения Императорского Православного Палестинского Общества, стали возможны широкие образовательные инициативы.

Четвертая глава «**Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в контексте русской ближневосточной политики второй трети XIX в.**» представляет предысторию создания и особенности деятельности в Святой Земле российского церковного представительства.

В первом параграфе «*Создание и первый период деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме*» показано, что впервые идея подобного учреждения возникла в 1838 г., когда А.Н. Муравьев составил проект Русского монастыря в Святой Земле, но не была поддержана дипломатическим ведомством. Тем не менее в 1843 г. МИД направил на Восток архимандрита Порфирия (Успенского) для «наблюдения за политической и церковной ситуацией в Палестине и Сирии», как было прописано в инструкции Нессельроде. Он же был назначен начальником учрежденной в 1847 г. Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, разделявшей с этого времени усилия российского генерального генконсульства в Бейруте.

Появление в Иерусалиме РДМ имело огромное значение. Были преодолены стереотипы российских дипломатов, не желавших делиться своими полномочиями с духовными лицами. Греческой иерархии, опасавшейся влияния на паломников и оттока денежных средств в святых местах в пользу русских, также пришлось постепенно привыкнуть к присутствию Духовной Миссии в Иерусалиме. Важным достижением следует признать установление Порфирием доброжелательных отношений с Патриархом Иерусалимским Кириллом, что упрочивало положение Миссии и позволило перейти к осуществлению ряда гуманитарно-просветительных программ.

Во втором параграфе «*Россия и Православный Восток после Крымской войны: борьба за выбор церковно-политической стратегии*» показано, как умелое использование фактора русского паломничества и РДМ в Иерусалиме позволило русским церковным и светским дипломатам после заключения Парижского мира (1856) взять своеобразный реванш в смысле русского присутствия в Святой

Земле. В 1856 г. создано Российское общество пароходства и торговли (РОПИТ), в 1857 г. возобновлена деятельность РДМ, в 1858 г. открыто иерусалимское российское консульство, в 1859 г. создан Палестинский комитет для принятия мер по устройству в Палестине русских заведений для православных поклонников. Деятельность этих церковных и светских учреждений в Святой Земле проанализирована с точки зрения их взаимосвязи, взаимозависимости — и неизбежной межведомственной конкуренции. Нечеткое разделение функций между начальником РДМ епископом Кириллом (Наумовым), консулом В.И. Дорогобужиновым и руководителем Палестинского Комитета Б.П. Мансуровым привело к трениям и конфликтам, а в конечном счете — к смене начальника РДМ и консула.

Вместе с тем в сложной послевоенной ситуации на Ближнем Востоке назрела необходимость выработать общую концепцию отношения России к Православному Востоку с его греческим высшим духовенством и многонациональной паствой (славянам на Балканах и арабам на Востоке). Анализируются различные варианты работы на Востоке, предлагавшиеся российскими дипломатами и придворными группировками («Благотворительный комитет» императрицы Марии Александровны, предвосхитивший идею Палестинского Общества, и «Палестинский комитет» Морского министерства). В целом, в российских церковно-дипломатических кругах возобладал курс на укрепление связей с греческим высшим духовенством на Православном Востоке при постоянной поддержке национальных церковных движений (балканских, арабских).

В третьем параграфе «*РДМ как фактор стабилизации отношений с Иерусалимским Патриархатом*» анализируется неравномерный и противоречивый процесс выстраивания отношений между РДМ и Патриархом Иерусалимским Кириллом. В период управления Миссией архимандрита Леонида (Кавелина) интригами со стороны иерусалимского консула А.Н. Карцова был спровоцирован внутренний конфликт между членами РДМ, а затем и обострение отношений с Патриархом Кириллом, объявившим Леонида персоной нон грата. В защиту начальника Миссии выступили митрополит Филарет (Дроздов) и Синод, оценившие решение Патриарха как неканоническое вмешательство во внутренние дела Русской Церкви. В целях прекращения конфликта и сохранения РДМ в Иерусалиме в июле 1865 г. было принято решение назначить архимандрита Леонида временно исполняющим обязанности настоятеля в посольскую церковь в Константинополе, а на его место перевести архимандрита Антонина (Капустина).

Когда непрекращающиеся конфликты между консульством и РДМ привели обер-прокурора Синода графа Д.А. Толстого к решению закрыть Духовную Миссию, в ее защиту выступил митрополит Филарет. В итоге, несмотря на взаимные непонимания и столкновения отдельных лиц и целых учреждений, Русская Духовная Миссия в Иерусалиме продолжала действовать, а результатом совместной деятельности светских и церковных учреждений стала Русская Палестина — уникальный историко-культурный феномен, являющийся и сегодня наиболее влиятельным фактором реального русского присутствия в Святой Земле.

Подводя краткий итог, можно отметить, что в работе впервые на основе новой источниковой базы проанализированы процессы установления и развития церковно-дипломатических связей и контактов России с Иерусалимской и Антиохийской Поместными Церквами во второй трети XIX в. При этом проблемы истории русской дипломатии впрямую сопряжены с церковно-политической спецификой стран, объединяемых понятием Православного Востока, что позволило исследовать такие вопросы как борьба российской дипломатии за самостоятельность церковной политики Иерусалимского и Антиохийского Патриархатов, роль России в развитии отношений греческой и арабской общин, использование Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в качестве эффективного проводника российского влияния в регионе.

Проведенный анализ позволил выделить три периода, представляющие определенные этапы развития межцерковных связей России и Православного Востока.

Первый период (1830–1840) — это, в политическом отношении, время между Адрианополем и Лондонскими конвенциями, период наиболее яркой, хотя не вполне реализованной, «ункияр-искелесской» оттепели в русско-турецких отношениях. Палестина впервые становится в эти годы площадкой для разыгрывания нескольких конкурирующих сценариев продвижения Запада на Восток.

В плане церковно-политическом период по праву может быть назван «муравьевским». Поиск механизма межведомственного сотрудничества

в разработке системной политики России и Русской Церкви на Востоке нашел свое выражение в феномене Муравьева, не повторявшемся более в истории русской дипломатии. Уникальность ситуации, определявшейся рядом субъективных и объективных факторов, заключалась в том, что по воле императора А.Н. Муравьев приобрел одновременно официальный статус в Святейшем Синоде и в Министерстве иностранных дел. В силу сложившихся личных связей с Патриархами и митрополитами Восточных Церквей он получал конфиденциальную информацию, которую мог оперативно использовать, и, наконец, в условиях размытости принципов и каналов российской дипломатии на Православном Востоке, становился реальным участником в процессе принятия решений.

Другой важнейшей характеристикой периода стало взаимодействие церковного руководства с официальным представителем Православного Востока в России, архиепископом Фаворским Иерофеем (1833–1839). Общение было взаимно полезно и эффективно. Митрополит Филарет, Муравьев и другие деятели Святейшего Синода и МИД нашли в лице Иерофея полезного информатора, сообщающего о положении и проблемах Иерусалимской Церкви. Иерофей, со своей стороны, кроме того, что собрал для патриаршей казны около 700 000 руб. пожертвований, получил возможность изучить каналы влияния и характер действующих лиц, от которых впрямую зависело принятие решений, благоприятных для Иерусалимской Патриархии.

К концу тридцатых годов российское руководство начинает лучше понимать реальные проблемы региона и невозможность решения их путем односторонних финансовых вливаний и экстренных дипломатических вмешательств (как, например, в случае греко-армянского кризиса 1835–1837 гг.). В МИД и Синоде приходят к осознанию необходимости контроля над потоками иерусалимских и антиохийских пожертвований, активизации научно-богословских и книгоиздательских связей, первых шагов к организации просветительной работы среди арабской православной паствы как в Иерусалиме, так и в Дамаске, наконец, к идее создания Русской Духовной Миссии в Иерусалиме как независимого центра информации и влияния на восточное духовенство.

Иными словами, в течение одного десятилетия произошли качественные изменения в отношениях с Восточными Патриархатами. Несмотря на приблизительность и незавершенность предложенных подходов, они послужили трамплином для последующего планомерного развития русско-ближневосточных отношений.

Второй период (40–50-е гг. XIX в.) может быть охарактеризован как институциональный и программный. На смену одиночкам приходит система: формирование бюрократических институтов — генерального консульства в Бейруте (1839), Духовной Миссии в Иерусалиме (1847).

Создание РДМ, ставшее завершением 30-летней предыстории (впервые идея русского представительства в Иерусалиме была высказана в 1817 г.), позволяет по-новому оценить расклад действующих сил и механизм принятия решений в православной Российской империи. Если бы не возникли в Палестине представительства протестантское (1841) и католическое (1847), не возникла бы — в качестве реакции — и наша Миссия. Неизбежный вывод состоит в том, что, во-первых МИД намного опережал в плане стратегического понимания и мобильности мышления церковные, синодальные структуры; во-вторых, регулярно отставал от политических инициатив Запада. Становится очевидным, что не Иерусалим и его святыни как таковые, не судьбы Православия на Востоке и даже не религиозные потребности российских паломников, но необходимость «ответного» выпада в дипломатической дуэли с великими державами определяли в главных решениях поведение петербургского кабинета.

Системный характер принимает и работа русских дипломатов на церковном поле. Это заключается прежде всего в прямом участии в важнейших событиях канонической жизни Восточных Патриархатов. Как показывает анализ сценария Титова-Базили в истории с выборами Патриарха Иерусалимского (1845) и Антиохийского (1850), подобное вмешательство не всегда было успешным. Изучение документов приводит к заключению, что российские дипломаты, стараясь проводить российскую имперскую политику, следуя подробным инструкциям из Петербурга. Они преследуют цель иметь «своих» ставленников, которые могли бы разделять русское понимание вопросов церковной политики на Православном Востоке, предпринимая порой титанические усилия, допускали при этом просчеты в ориентации на конкретных деятелей из высшей греческой иерархии. Ни один из иерархов, который в их глазах мог бы быть проводником русского влияния в регионе в конечном счете не

только не оправдывал возлагавшихся на него надежд, но и оказывался раньше или позже в стане противников России. Так было с Патриархом Иерофеем, за которого русская дипломатия боролась и в 1845 г., и в 1850 г., а в целом поддерживала и продолжала возлагать на него какие-то надежды в течение полувека (от появления в Петербурге в 1833 г. и практически до его смерти в 1885 г.). Так было позже с Никодимом, Патриархом Иерусалимским, которого русские дипломаты в течение ряда лет готовили на Иерусалимский Престол и считали своим, «русским» ставленником на протяжении всего его патриаршества (1883–1890). В конечном счете влияние греческой Вселенской Патриархии на систему «сообщающихся сосудов» как правило оказывалось сильнее попыток российского МИД использовать в своих видах тех или иных иерархов. В результате на идеологическом уровне в греческом мире, а во многом и в Западной Европе, закреплялись русофобские представления о роли и намерениях России на Востоке, а на уровне практическом демонстрировалось неумение решать дипломатическими способами свои и мировые проблемы даже на сугубо православном поле.

Более продуктивным было направление гуманитарное. В условиях наступления католического и протестантского прозелитизма, при пассивности иерусалимской иерархии, одной из постоянных забот русской дипломатии была разработка гуманитарно-образовательной программы. При участии Базили, а с учреждением Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и ее начальника архимандрита Порфирия (Успенского), были заложены основы школьного дела. Греческая иерархия при участии и под контролем российских представителей была вынуждена принять ряд мер в области образования православных арабов, хотя в силу субъективных и объективных причин вопрос духовного просвещения в Палестине и Сирии до Крымской войны не успел получить окончательного разрешения.

Если оценивать в целом характер и результаты церковно-дипломатических отношений с Православным Востоком в первой половине XIX в., следует подчеркнуть, что при Александре I правительство было преимущественно занято европейскими вопросами (наполеоновские войны, взятие Парижа, создание Священного Союза), а затем Греческим восстанием. Правительство же Николая Павловича охотнее и щедрее отзывается на запросы и нужды Палестины. Но и здесь на первых порах речь идет почти исключительно о материальной помощи, на которую, кстати, правительство реагирует не собственными (казначейскими) отчислениями, но все новыми апелляциями к «доброхотным даяниям» православного народа (сборные книги, церковные кружки). Достаточно эффективной, на оперативном уровне, была и дипломатическая поддержка православных интересов — как явствует, например, из материалов по поводу греко-армянского конфликта. Что касается стратегического, долговременного прогноза и планирования, Иерусалим по-прежнему оставался далек от петербургских кабинетов. Происходившие там события и конфликты, в том числе, столь взрывоопасные, как Вифлеемский кризис 1852 г., всякий раз вызывали в России неуверенность оценок и метания в политике.

Проведенный анализ с неизбежностью ставит вопрос об эффективности восточной политики России в целом. Парадоксальным образом ситуацию можно охарактеризовать словами «разумность при неизбежной безрезультатности». Разумность — это видимая рациональность принимаемых мер. «Неизбежная безрезультатность» была обусловлена рядом факторов как объективных, так и субъективных.

В первую очередь следует сказать об общей ориентации русской жизни и русской политики на европейский стандарт. Имеется в виду не только возможность прокатолического (существовавшую для некоторых аристократических кругов) или протестантского (Нессельроде и т.п.) влияний и симпатий, но и общая установка на примат секулярных мирских, научно-технических, экономических и прочих интересов по сравнению с религиозными, церковными, духовными. Разумеется, правительство обращало внимание на развитие народного благочестия, в том числе паломничества в Святую Землю.

Безрезультатность была предопределена тем, что Россия никогда в императорский период не была благоустроенным, богатым, в политическом и военном отношении мощным государством. Поэтому вся практически политика на Православном Востоке оказывалась в хвосте политики европейской, и говорить о возможности расширения русского присутствия в Иерусалиме и на Востоке в то время вряд ли представляется возможным.

Третий фактор объективной безрезультатности каких-либо попыток на Православном Востоке состоял в категорическом нежелании и отвержении

русского присутствия со стороны самого «Православного Востока». Ни в одном из Патриархатов не хотели усиления русского влияния. И тому тоже были свои причины. Первая — каноническая: реакция четырех «первых» Патриархатов на усиление младшего «пятого»; вторая — греческая русофобия, истоки которой уходят в византийскую традицию. Третья — достаточно часто проявлявшаяся неуклюжесть и нетактичность русской церковной политики, к сожалению, действительно часто уповавшей на внешнюю, государственную мощь и внешний авторитет.

Крымская война явилась не только завершением всей политики России в Восточном вопросе в царствование Николая I. В середине XIX столетия почти одновременно в России и в Восточных Патриархатах происходила своеобразная «смена караула». В одно десятилетие ушли из жизни предстоятели трех Церквей: в декабре 1844 г. Патриарх Иерусалимский Афанасий V (1827–1844), в 1845 г. — Патриарх Александрийский Иерофей I (1825–1845), 24 июня 1850 г. — Патриарх Антиохийский Мефодий (1823–1850). В России происходят не менее серьезные перемены во всех светских и церковных ведомствах: смерть императора Николая I (17 марта 1855 г.), обер-прокурора графа Н.А. Протасова (1855), уход с политической арены канцлера графа К.В. Нессельроде свидетельствовали, что заканчивалась целая историческая эпоха.

Военные и политические результаты Крымской войны, заставившие правительство Александра II приступить к осуществлению обширной и серьезнейшей программы реформ, не могли не коснуться и вопросов внешней политики — в том числе, положения дел в Палестине. После Парижского мира (1856), когда России пришлось существенно потесниться на Востоке в пользу европейских держав, перед русской дипломатией как светской, так и церковной, встала задача выработки новых подходов, состоявших, прежде всего, в формировании сферы *собственных интересов* в Святой Земле и, соответственно, *собственного плацдарма проникновения*. Анализу работы российского МИД и Святейшего Синода, а также их представительств в Святой Земле, подготовившей создание Русской Палестины, посвящена заключительная часть исследования, в которой показано, как выстраивалась основная линия русской политики на Ближнем Востоке в первые годы после Крымской войны, когда российское правительство должно было задуматься о возможностях реванша.

Происходит дальнейшая бюрократизация русского дела на Ближнем Востоке. Церковные инстанции в Петербурге и церковное учреждение в Иерусалиме (РДМ) полностью отстранены от прямого участия не только в принятии решений, но и в их последующем выполнения. Несмотря на подробные обсуждения в петербургских высших сферах, конкурирующие программы императрицы Марии Александровны («Благотворительный комитет», положения для которого разрабатывал митрополит Филарет), на конкуренцию в выборе лица для возглавления восстанавливаемой в Иерусалиме Духовной Миссии (архимандрит Порфирий, архимандрит Поликарп, епископ Кирилл), возобладала «партия Мраморного дворца» (великий князь Константин Николаевич, А.В. Головнин, Б.П. Мансуров и др.). Русские Постройки в Иерусалиме и весь дальнейший ход развития русского паломничества и русского присутствия в Святой Земле, до создания в 1882 г. Императорского Православного Палестинского Общества, управлялись и направлялись вполне светскими по характеру Палестинским Комитетом (1859–1864) и Палестинской Комиссией при Азиатском департаменте МИД (с 1864). Это приводило к неизбежным ведомственным трениям, осложняя и без того непростую деятельность Русской Православной Церкви на Ближнем Востоке.

К обсуждению новой формировавшейся концепции были привлечены наиболее подготовленные лица как светских, так и церковных ведомств. Действуя каждый в своей области, в логике собственного ведомства, организаторы Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, Палестинского Комитета и российского консульства в Иерусалиме, несмотря на объективные внутренние противоречия, смогли, тем не менее комбинируя религиозные и политические мотивы, достичь серьезного результата — создания Русской Палестины как непосредственного инструмента и важного фактора российской внешней политики на Востоке.

© Смирнова И.Ю., 2009